

ИСТОЧНИКИ ВДОХНОВЕНИЯ В КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ ЭПОХИ МИН НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ПОЭТА ГАО ЦИ

Кузнеченко Елизавета Петровна,
студентка первого курса,
направление подготовки: «Востоковедение и
африканистика»,
ВИ-ШРМИ ДВФУ

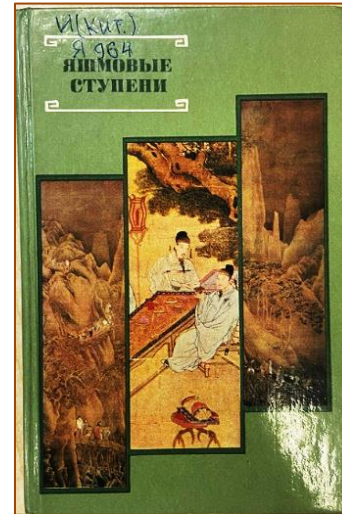

Поэтическое искусство высоко ценилось в Китае во все времена, а философские лирические творения, созданные мудрейшими мастерами слога, остаются до сегодняшнего времени источником вдохновения и благородных дум для почитателей древнего искусства во всём мире. На протяжении веков поэтические традиции бережно сохранялись, развивались и приобретали новые формы.

Вечные темы любви, дружбы, благородной службы, поиска смысла жизни волновали поэтов всех эпох и находили отражение в самых разных произведениях признанных мастеров [6, с. 14]. В данной работе рассмотрены источники вдохновения в китайской поэзии эпохи Мин (1368–1644) – одного из самых известных исторических периодов Китая [1, с. 129]. Для раскрытия темы данной работы рассмотрим произведения Гао Ци, известного минского поэта. Для этого обратимся к литературе, представленной в фонде редких изданий и владельческой книжной коллекции д-

ра ист. наук, профессора В.В. Совастеева, ознакомиться с которой можно в читальном зале редких изданий Научной библиотеки ДВФУ.

Е.А. Серебряков в «Справочнике по истории литературы Китая (XII в. до н. э. – XXI в.)», описывает некоторые наиболее яркие особенности лирики эпохи Тан (618–907) и эпохи Сун (960–1279), поэтическое наследие которых повлияло на китайскую литературу с восхождением на трон династии Мин (1368–1644) [5, с. 102–128].

Рассуждая о традициях в поэзии эпохи Мин, известный синолог, переводчик, кандидат филологических наук, профессор Илья Сергеевич Смирнов в предисловии к сборнику стихотворений «Яшмовые ступени. Из китайской поэзии эпохи Мин XIV–XVII века», обращается к незыблемому авторитету академика В.М. Алексеева: «В своё время, говоря о темах танской (т. е. относящейся к эпохе Тан – VII–X вв) поэзии, В.М. Алексеев выделял в

качестве основных такие темы: «Природа и поэт», «Прочь от мира», «Друг», «На чужбине», «Немилость», «Жена», «В храме», «Древнее», «Старость», иногда добавляя к ним темы вина и чая. <...> можно говорить, что вместе они образуют устойчивый тематический комплекс, сложившийся в танской поэзии и, как увидит читатель, унаследованный практически без изменений в поэзии эпохи Мин» [6, с. 14].

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

Однако эпоха Мин была достаточно противоречивой и не такой благополучной для развития культуры, как Тан. Илья Сергеевич Смирнов в книге «Небесный мост» отмечал, что «восшествие на престол в 1368 году основателя династии Мин, недавнего бродячего монаха, а затем повстанческого вожака Чжу Юань-чжана, разбудило в сердцах людей надежды на лучшее, но не принесло стране желанного умиротворения» [4, с. 5]. На противоречивость общественного устройства Китая того времени указывала и Н.А. Виноградова: «Китай минского периода был страной одновременно и блестящей и нищей, поражающей красотой и обилием изделий искусства, художественных ремёсел и архитектуры и в то же время раздираемой острейшими социальными конфликтами, тормозящими каждое прогрессивное явление» [1, с. 130].

По словам И.С. Смирнова, трудные времена порождают великих творцов, именно поэтому эпоха Мин оставила глубокий след в китайской поэтической культуре, вобрав в себя всё лучшее из предыдущих эпох. «За столетия, прошедшие от Тан до Мин, в тематике классической поэзии ничего не изменилось: новые темы не возникали, ни одна из старых не была забыта. Так что в минскую эпоху поэзия – это почти нерасторжимое тематическое единство, которое вовсе не осознается как предел, а попросту исчерпывает собой всё доступное воплощению в поэтическом слове и всё достойное» [4, с. 15]. Так же И.С. Смирнов считает, что основные лирические темы и источники вдохновения для создания произведений эпохи Мин сохранялись и не претерпевали изменений: «Если танская или сунская поэзия – это горная цепь, над которой вознеслись вершины, одна выше другой, а над ними господствуют недостижимые пики, то минская поэзия – гряда холмов, над которой если и возвышается, то линия вершин в один примерно рост» [6, с. 15]. Исследуя обращение Гао Ци к

поэтам времен Тан и Сун, как образцам для подражания, китаевед И.С. Смирнов считает, что «Условность» (форма, цитата, намёк и т. п.) всё чаще и чаще становилась способом демонстрации холодного ремесленного мастерства; достоверность географических и временных реалий, верность в деталях только скрывали «неподлинность» предмета описания; действительность входила в поэзию преобразенная «снами» и «воспоминаниями»; всё большее место занимали «надписи к картинам» и «стихи о стихах» [4, с. 12-13].

Говоря об источниках вдохновения для лирики Мин, синолог И.С. Смирнов полагает, что «поэтическая традиция постепенно становилась не только арсеналом художественных средств, но и источником поэтического вдохновения, причём едва ли не единственным» [6, с. 23]. Со временем поэтические традиции множилось и видоизменялись, однако некоторые из них по-прежнему оставались актуальными на протяжении нескольких столетий. «Постоянное обращение к поэтам-предшественникам, которым уже не было счета, бесконечные цитаты, намёки, аллюзии – их переставала выдерживать рядовая образованность, всё больше ориентированная на догматическое, а не творческое освоение традиции» [6, с. 24]. «...но стихи, появившиеся в эти три столетия, уже несли в себе некоторые черты грядущего вырождения, хотя в некотором смысле минскую поэзию можно рассматривать как вершинное достижение классической поэзии Китая» [6, с. 29].

Источники вдохновения в минской поэзии в настоящей работе рассматриваются на примере произведений китайского поэта Гао Ци (1336–1374), творчество которого исследовал синолог, переводчик, профессор Илья Сергеевич Смирнов.

О Гао Ци он пишет с особой теплотой и трепетом: «Вся его поэзия пронизана страстным приятием классической традиции. В этом – острое предчувствие перемен, поиски опоры в смутное время. ... Он словно задаётся целью охватить все темы, все жанры и стили...» [2, с. 254]. Учёный также отмечает, что позднейшие критики называли Гао Ци «лучшим поэтом трехстолетней династии Мин» [4, с. 12].

Е.А. Серебряков упоминает, что Гао Ци писал стихи под разными именами, известно его второе имя – Цзиди, прозвание Цинцюцзы [5, с. 121].

Особый интерес представляет жизненный путь поэта. Тридцать восемь лет его жизни пришлось на трагическую эпоху истории Китая: господство завоевателей, грозный вихрь освободительной войны, усобицу, смуту [4, с. 5]. Не случайно стихи Гао Ци зачастую печальные, меланхоличные, наполнены тревогой и беспокойством. Его произведения отличаются тончайшим мастерством и определённым почерком, который сложно спутать со стилистикой других коллег по ремеслу. Одухотворённость придаёт стихам Гао Ци стилистическую раскованность, сообщает свободу и пластику поэтическому жесту, свежесть старым темам и образам [4, с. 13].

Неисчерпаемым источником вдохновения для поэтов разных эпох издавна являлась природа и её разнообразные явления, в том числе смена времен года. Описание весенних дней и психологического состояния самого поэта можно наблюдать, к примеру, в стихотворении Гао Ци «Печалюсь о весне».

Уже позади половина весны –
пролетела-умчалась куда-то.
Опять возвратилась моя печаль –
не заставишь весну помедлить.
Закатное солнце, плывут облака,
от вина на башне хмелею.
И словно всё позабыл слова –
вдыхаю цветов ароматы [4, с. 107].

В комментариях востоковед-филолог И.С. Смирнов поясняет: «Китайские поэты на диво постоянны в описании чувств, навеянных сменой времени года. Издревле напряжённое, трепетное

ожидание весны сопровождалось печальным осознанием мимолетности грядущего расцвета природы. Холодный ветер, дождь, а порой и снег, безжалостны к прекрасным первым цветам. Поэт задумывается о быстротечности жизни, и горечь своих размышлений делит с другом, коротая время за чашей вина» [4, с. 107].

Ещё одно весеннее стихотворение Гао Ци, в котором поэт обращается к знакомым символам прекрасного времени года.

Весною в дождь гляжу вдаль

На дозорную башню высоко взошёл,
вдаль на реку смотрю.
В «карете лаковой» езжу весной –
дела забросил давно.
С дикой груши опали цветы –
праздник по календарю.
За то, что этой весной не грущу, –
песни птиц я благодарю! [4, с. 116].

По словам И.С. Смирнова, данное стихотворение «насыщенно «весенней» символикой: здесь и подъём на башню (ближе к небу – источнику животворящей силы «ян»), и опавшие лепестки – главная примета быстротечной весны, повод для печали, которую умаляет только птичий гомон» [4, с. 116].

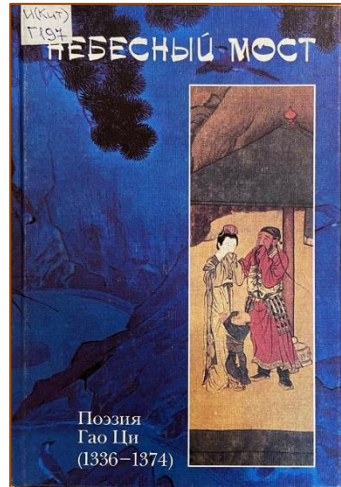
Осенние стихотворения поэта также пронзительны и богаты природной символикой:

На пруду наслаждаюсь прохладой

Гуляю по расписной галерее,
светляками мерцает вода.
Цветы и листья белого лотоса
дивный струят аромат.
Уже не нужен мне круглый веер –
ветрено, пала роса.
Настали – предвестники осени близкой –
вечерние холода [4, с. 135].

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

В комментариях И.С. Смирнов отмечает: «Почти каждое слово этого стихотворения заимствовано из традиционного «осеннего» поэтического набора, который составлялся веками. В нём присутствуют и светлячки, и пахнущие с необыкновенной силой лотосы, и вечерний холод, и роса» [4, с. 135]. Большое значение символики в поэзии творцов эпохи Мин также не остаётся без внимания исследователя: «Принципиально лишённая поэтических фигур, минская поэзия достигает небывалого уровня символизации, когда все может оказаться символом и ничто таковым не является» [6, с. 29].

На основе изученных источников можно сделать вывод, что помимо смены времён года и сезонных особенностей к «природным» источникам вдохновения исследователь также относит животный мир, который неустанно притягивает внимание китайского поэта и зачастую выступает в роли тайного символа и содержит в себе неочевидный смысл. В стихотворении *«Почтенный Цзинь Чжэн-мэй в дождь навестил меня и остался ночевать»* употребляется такой символ:

Слушаем, как за ночным окном
в дождь обезьяны кричат.

Вид окрестный печально уныл –
с садом родным не сравнить [4, с. 19].

И.С. Смирнов поясняет, что «крик обезьян, издавна бывший для китайского поэта-странника знаком чужбины, всегда рождал в душе тоску по родине, особенно острую в ненастную дождливую ночь [4, с. 19]. В данном стихотворении исследователь заметил, что зачастую с помощью образа живого существа Гао Ци не только даёт описание окружающей его действительности, но и придаётся меланхолии, пишет о собственных чувствах – будь это радость,

печаль или разочарование. Животные, часто полумифические и сказочные, фигурируют и в других произведениях поэта:

Смотрю на цветы, вспоминаю родимый сад

Недавно тронули даль небес
первые краски весны,
А вот уже на террасе Феникса
ветер цветы осыпал.
С тех пор как я в столице живу,
покинув родимый дом,
Все беспокоюсь – цветут ли цветы
под опустевшим окном? [4, с. 78].

По словам И.С. Смирнова, «Знаменитая терраса Феникса, сооруженная в столичном Цзиньлине (Нанкине) на берегу реки Янцзы ещё в эпоху Шести династий (375–583), часто упоминается в стихах китайских поэтов» [4, с. 78]. «Феникс (фэнхуан) – мифическая птица, появление которой почиталось знаком благоденствия страны и процветания народа. В пору «золотой древности» они будто бы «кормились возле городских стен», но уже Конфуций горько сожалел о том, что феникс больше не прилетает. Гао Ци, отсылая читателя к стихотворению Ли Бо, намекает на своё разочарование в новой минской власти, в столичной службе; его надежды на справедливое правление оказались столь же мимолетны, как и весеннее цветение – налетел ветер и осыпал долгожданные цветы» [4, с. 79].

В переведённом Смирновым сборнике стихотворений Гао Ци «Небесный мост» учёный выясняет, что выдающийся поэт черпал вдохновение не только в окружающей его действительности, всевозможных природных символах и личных наблюдениях, но и зачастую обращался к «тонкой» материи, умело вписывая в повседневную реальность образы из снов и воспоминаний [4]. Вызывает интерес следующее стихотворение Гао Ци.

Воспоминание о весне

Бабочкой лёгкой среди ветвей
летаю-кружусь во сне.
Глухая ночь в покое пустом,
луна скользит по стене.
Как очутился в горах Лофу,
в таком далёком краю?
Ароматные тени вокруг меня,
охмелел и стихи пою [4, с. 134].

Профессор Илья Сергеевич Смирнов в комментариях акцентирует внимание на том, что «...превращение во сне в бабочку – известный образ древней притчи. Даосский мыслитель Чжуан-цзы однажды во сне увидел себя бабочкой. Проснувшись, он не мог понять, приснилось ли ему, что он стал бабочкой, или это бабочке снилось, что она стала Чжуан-цзы. Философский смысл притчи – иллюзорность человеческого бытия» [4, с. 134]. Использование собственного духовного опыта в качестве источника к созданию новых произведений, как полагает Смирнов, неслучайно, так как «действительность входила в поэзию, преображённая «снами» и «воспоминаниями» [4, с. 134]. Далее И.С. Смирнов уточняет, что в данном стихотворении горы Лофу, находящиеся в провинции Гуандун, на юго-востоке Китая, – «символ дальнего края, куда человек “ушёл” во сне» [4, с. 134].

И.С. Смирнов в комментариях к стихотворению Гао Ци «Сочинил во сне» поясняет: «Сон, почти и неотделимый от яви, сон как прообраз реальности – один из главнейших мотивов китайской культуры. В поэзии мир снов предстает таким же подлинным, как и мир яви. Во сне поэт переживает, слышит и видит с предметной отчётливостью. Мало того, грёза сна подчас воспринимается им с большей остротой, чем реальность. Во сне, как бы удваивая явь, поэт длит и длит переживание жизни [4, с. 199-200].

Сочинил во сне

Спокойствие, легкость –
прошла сердечная смута.

Безлюдье, безмолвье,
и лишь в отдалении – песня.
Вот ливень промчался,
вливается в окна прохлада.
Восходит над лесом
луна в прозрачном сиянье [4, с. 199].

Умелая работа с образами из сновидений играет поэту на руку, расширяя арсенал его поэтических инструментов.

В стихотворении «*На пути в Пилин ночью в лодке у берега, и меня застигает дождь*» Гао Ци использует, по мнению учёного, похожий приём.

Странник-гость у прибрежной ивы
в лодке заночевал.
О доме подумал – звон колокольный
донесся издалека.
Что-то не спится в утлой лодчонке,
ветер и дождь шумят.
Вспомнил, как некогда в дождь, на реке
так же вот ночь коротал [4, с. 58].

Как считает И.С. Смирнов, «воспоминания – это неотъемлемая часть духовного существования китайского поэта. Как и сон, они множат и множат реальность; они не обязательно свидетельствуют о действительно бывшем, но всегда – о неизбывном» [4, с. 58].

Помимо снов и воспоминаний неиссякаемым источником вдохновения в «тонкой» материи для поэта являются его собственные чувства, что прослеживается в следующих произведениях. Обращаясь к любовной тематике в стихотворении «*Печаль в женском покое. Ответ*», Гао Ци умело вписывает красивейшие природные пейзажи в философские размышления.

Ты мне стихи о любви посылаешь
из дальнего-дальнего края.

Осенние звуки в саду укромном,
печаль от долгой разлуки.
Снова и снова мой сон тревожит
гусей перелётных стая.
На пыльном окне тень коричневого древа,
луна безмятежно сияет [4, с. 51].

Как утверждал В.М. Алексеев, в китайской поэзии классического типа (ши) нет ни намёка на страстную любовь, составляющую основную тему всех других поэзий. Но есть строгая любовь мужа к жене и жены к мужу, выражающаяся в тоске по отсутствующему супругу, по временно нарушенной, но крепкой и незыблемой связи [4, с. 51], что и видно из перевода данного стихотворения.

Таким образом, рассматривая исследования И.С. Смирнова по источникам вдохновения в китайской поэзии эпохи Мин на примере работ Гао Ци, узнаём, что минская поэзия использовала классические образы предыдущих эпох в качестве вдохновения для создания лирики. На это же обращала внимание и Н.А. Виноградова: «С помощью обращения к знакомым образам и рассуждениям «о вечном» минским поэтам удаётся отразить дух своей эпохи, при этом оказав серьёзное влияние на дальнейшее развитие поэтических традиций» [1, с. 130]. «Богатая и разносторонняя культура периода Мин необычайно остро отразила всю сложность той специфической исторической обстановки, в которой ей пришлось развиваться. В науке, литературе и искусстве, утративших свою цельность и единую направленность, новые явления с трудом пробивали себе дорогу, противоборствуя многим изживающим себя образам и понятиям» [1, с. 130]. Несмотря на особую самобытность минской поэзии, по словам И.С. Смирнова, творческим произведениям поэтов этой эпохи удаётся остаться в рамках традиций и способствовать их сохранению и передачи следующим поколениям. «Являясь синтезом лучших образов и символов ушедших эпох, минской поэзии все-таки удаётся создать свою уникальную стилистику и интерпретацию. Минская поэзия

представляет собой явление более цельное, чем поэзия предшествующих эпох, более однородное, менее личностное» [6, с. 15]. Именно этим поэзия эпохи Мин, и в частности, произведения Гао Ци, увлекает и завораживает читателя и по сегодняшнее время.

Подводя итоги, на основе изученной литературы можно сделать вывод, что основными источниками вдохновения для поэтов эпохи Мин, в частности Гао Ци, являлись природа (времена года, растительный и животный мир и др.), философские рассуждения, сны, воспоминания, любовные чувства.

Тем, кто интересуется поэзией эпохи Мин и творчеством Гао Ци, фонд редких изданий Научной библиотеки ДВФУ может предоставить доступ к литературе, способной ответить на интересующие вопросы.

Список литературы:

1. Виноградова, Н.А. Китайская пейзажная живопись : учебное пособие для вузов / Н.А. Виноградова. – Москва : Изд-во «Изобразительное искусство», 1972. – 160 с.
2. Из китайской лирики VIII–XIV веков (Ван Вэй, Су Ши, Гуань Хань-цин, Гао Ци) / пер. с китайск. ; сост., послесл. и коммент. И. Смирнова. – Москва : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1979. – 286 с.
3. Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин ; ред. О. И. Ярикова. – Москва : Изд-во «Астрель: Дизайн. Информация. Картография», 2000. – 631 с.
4. Небесный мост: Поэзия Гао Ци (1336–1374) / в переводах Ильи Смирнова. – Санкт-Петербург : "Петербургское Востоковедение", 2000. – 240 с. – (Драгоценные строфы китайской поэзии, V).
5. Серебряков, Е. А. Справочник по истории литературы Китая (XII в. до н.э. – начало XXI в.) / Е. А. Серебряков, А.А. Родионов, О.П. Родионова. – Москва : АСТ Восток-Запад, 2005. – 333 с., [3] л. ил.
6. Яшмовые ступени. Из китайской поэзии эпохи Мин XIV–XVII века / пер. и предисл. Ильи Смирнова. – Москва : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1989. – 351 с.